

территории СССР, которая имела несколько совершенно различных климатических зон. Ввиду этого требовались отдельные элементы униформы, в том числе головные уборы, для районов с жарким или, наоборот, холодным климатом. Однако такое разнообразие униформы создавало дополнительные трудности в обеспечении войск предметами обмундирования в условиях стремительно растущих вооруженных сил и создавало излишнюю нагрузку на предприятия лёгкой промышленности. Опыт Советско-финляндской войны показал, что необходимо стандартизировать униформу для всех родов войск. Соответствующий приказ Народного Комиссариата обороны вышел 1 февраля 1941 г. Однако переход на новые нормы снабжения сорвало начало Великой Отечественной войны. В условиях военной экономики производство головных уборов было упрощено. Пилотки для командного состава могли изготавливаться из различных материалов, в том числе гражданского ассортимента, вплоть до того, что на подкладку для пилоток шла ткань для матрасов. Упрощения военного времени позволили сэкономить ценные для Советского Союза ресурсы и в то же время обеспечить Красную Армию необходимыми предметами обмундирования.

Список использованных источников и литературы

1. О форме одежды и знаках различия командного, начальствующего и рядового состава РККА // Приказ Народного Комиссара обороны Союза ССР, от 03 дек. 1935 г., № 176. – М. : Центр. Типограф. НКО СССР им. К. Ворошилова, 1935. – 32 с.
2. Форма одежды для начсостава бронетанковых войск и воздушных сил РККА: утв. начальником ВХУ РККА 04 фев. 1935. – М. : Центр. Типограф. НКО СССР им. К. Ворошилова, 1935. – 56 с.
3. Шлем для РККА зимний головной убор. Общесоюзный стандарт. ОСТ 4115. 01 мар. 1932 г. – М. : Центр. Типограф. НКО СССР им. К. Ворошилова, 1932. – 13 с.
4. Харитонов, О. В. Иллюстрированное описание обмундирования и знаков различия Советской Армии / О. В. Харитонов. – Ленинград : На страже Родины, 1960. – 139 с.
5. Гайсенок, Т. Н. Товароведение военной одежды : учеб. пособие / Т. Н. Гайсенок, К. Н. Халтурин. – Харьков : Тип. ВХА Красной Армии им. В. Молотова, 1941. – 217 с.
6. Униформа русского военного воздушного флота : в 2 т. / редкол.: К. Цыпленков (глав. ред.) [и др.]. – М. : Гельветика-М, 2007. – Т. 2, Ч. 1 : (1935 – 1955) / К. Цыпленков [и др.]. – 2007. – 455 с.
7. Об изменениях в форме одежды и нормах снабжения вещевым имуществом личного состава Красной Армии в мирное и военное время и о применении заменителей для людского и конского снаряжения : приказ Народного Комиссара обороны Союза ССР, 1 фев. 1941 г., № 005. – М. : Центр. типограф. НКО СССР им. К. Ворошилова, 1941. – 11 с.
8. О введении новых знаков различия и об изменении в форме одежды Красной Армии : приказ НКО СССР, 15 янв. 1943 г., № 25. – М. : Центр. типограф. НКО СССР им. К. Ворошилова, 1943. – 64 с.

С. И. Тыкун

ГОМЕЛЬСКИЙ ПЕРЕСЫЛЬНЫЙ ЛАГЕРЬ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ ДУЛАГ-220 (СЕНТЯБРЬ 1941 – ЯНВАРЬ 1942 ГОДА)

Анализ обширного документального материала, первых распоряжений, приказов, инструкций Верховного командования вермахта (нем. Oberkommando der Wehrmacht) или Верховного командования сухопутных войск (нем. Oberkommando des Heeres), позволяет нам в полной мере убедиться, что командование Вооруженных сил Германии изначально готовило свои подразделения к организации оккупационного режима на захваченных территориях

Советского Союза [1]. Безусловно, необходимо помнить и о том, что регулярные части вермахта работали вместе с частями СС (нем. Schutzstaffel), СД (нем. SicherheitsDienst), гестапо (нем. Geheime Staatspolizei) и рядом других структур, создавая таким образом мощную «оккупационную машину» в зоне ответственности которой находилась вся полнота власти, при условии полного освобождения от всякой ответственности за осуществления тех или иных преступных действий, о чем прямо говорит распоряжение начальника штаба Верховного главнокомандования вермахта Вильгельма Кейтеля «О военной подсудности в районе «Барбаросса» и особых полномочиях войск»: «Возбуждение преследования за действия, совершенные военнослужащими и обслуживающим персоналом по отношению к враждебным гражданским лицам, не является обязательным даже в тех случаях, когда эти действия одновременно составляют воинское преступление или проступок» [2, с. 37].

Система концентрационных лагерей стала одним из звеньев немецкой политики геноцида осуществляющей на оккупированной территории Советского Союза.

Пересыльный лагерь ДУЛАГ-220 (нем. Durchgangslager, сокр. Dulag – пересыльный лагерь) расположенный изначально на территории Бобруйска, в начале сентября 1941 года, выдвинулся в Гомель для дальнейшего обустройства и смены 3-го армейского сборного пункта военнопленных. К середине сентября ДУЛАГ-220 окончательно закрепился в новом месте дислокации (территория завода «Двигатель революции»), при этом необходимо отметить, что к середине месяца, по данным донесений коменданта лагерей военнопленных округа «Я», а именно ссылаясь на такой документ от 16 сентября 1941 г., в лагере содержалось уже около 8 500 человек военнопленных, при условии возможного содержания в лежачем состоянии только 3 000 человек военнопленных, а в стоячем около 5 000 человек [3, с. 64–65].

Сам лагерь по данным коменданта тылового района 580 (Корюк-580) подчинявшегося командованию 2-й немецкой армии, находился почти все время в непосредственном подчинении 221-й охранной дивизии вермахта, за исключением небольшого периода на рубеже 1941–1942 годов, когда охранное подразделение сменила в зоне ответственности 339-я пехотная дивизия, с тем же набором функций и полномочий. Сама 221-я охранная дивизия отправилась в район города Орел, однако после обращения командующего тыловым районом 102 Максимилиана фон Шенкендорфа к командующему группой армий «Центр» генерал-фельдмаршалу Гюнтеру фон Клюге от 15 марта 1942 г., дивизия была возвращена на старые позиции, штаб расположился в Гомеле и вновь лагерь стал сферой ее ответственности, однако это уже был ДУЛАГ-121 прибывший в январе 1942 года из Унечи (сейчас Брянская область Российской Федерации) и сменивший ДУЛАГ-220 [4, В. 4; 5, В. 7]. Данное подразделение располагаясь на территории тылового района группы армий «Центр», находилось в подчинении М. фон Шенкендорфа, который являлся одной из ключевых фигур в разработке алгоритмов борьбы партизанами и подпольщиками, то есть на языке оккупанта с «бандитами». Именно начальник тыла фон Шенкендорф являлся организатором Могилевской конференции 24–26 сентября 1941 г., на базе которой местное руководство вермахта и СС разрабатывали систему взаимодействия по «умиротворению» сопротивляющихся оккупанту территориях [6, с. 92; 7, с. 37–38] (таблица 1).

Охрана пересыльного лагеря представляла из себя небольшое количество военнослужащих, которое со временем увеличивалось: сентябрь 1941 г.: 27 человек (2 унтер-офицера, 1 фельдфебель, 1 взвод); ноябрь 1941 г.: 42 человека (ночное дежурство), 30 человек (дневное дежурство) – разница обусловлена увеличением в ночное время количества постов охраны с 10 до 13; декабрь 1941 года: 49 человек (5 унтер-офицеров, 43 рядовых) [8; [9, л. 125–127].

В разные период военнослужащих для охраны выделяли разные подразделения 221-й охранной дивизии (230-й батальон или 432-й батальон) но неизменно содействие в преступлениях оказывали коллaborанты, что видно на всех планах лагеря, однако именно на немецком «казарма для полицейских» обозначена как «украинская гвардия» [8].

Таблица 1 – Перечень дулагов и армейских сборных пунктов военнопленных, подчиненных коменданту лагерей военнопленных округа «Я» на 12 сентября 1941 года [3, с. 61]

Наименование лагеря	Место расположения	Подчиненность	Расположение штаба части	Комендант лагеря	Адъютант коменданта	Округ
Дулаг 203	Журавичи	221-я охранная дивизия	Кричев	Майор Гутшмидт	Капитан Флосс	Я
Дулаг 220	Гомель	--/--	Кричев	Подполковник Шмидт	Капитан Роот	Я
Дулаг 314	Бобруйск	339-я пехотная дивизия	Бобруйск	Майор Мелей	Старший лейтенант Шиллер	Я

Античеловеческая политика нацистского режима в полной мере нашла свое отражение в лагерной жизни. Условия проживания советских военнопленных в Гомельской пересыльном лагере были поистине жуткими. В общем и целом, данное понимание было и у самих немецких начальников, так инспекция лагеря от 16–17 сентября 1941 г. показала, что лагерь совершенно непригоден для размещения советских военнопленных, однако уже в начале декабря 1941 г., ситуация по мнению германской стороны меняется. В результате посещения ДУЛАГа-220 полковником Маршаллом – комендантом округа «Я», коменданту гомельского лагеря даже была объявлена благодарность за образцовую организацию жизни в концлагере. Окружной начальник отметил и хорошее продовольственное обеспечение, соблюдение необходимой калорийности пищи и ряд иных факторов. Однако высокая ежедневная смертность в районе 400 человек совершенно игнорируется немцами и надо полагать, считается положительным фактором [9, л. 125–127].

На фоне таких выводов германской стороны интересно обратить внимание на свидетельство самих военнопленных. Из показаний М. Г. Бердичевского об условиях транспортировки военнопленных в лагерь: «*Этап продолжался двое суток. За это время нагло закрытые вагоны ни разу не открывались, ни разу не выдавалось пищи, ни воды... Люди питались и утоляли жажду соскабливая иней, скоплявшийся на досках вагона от дыхания массы людей... В каждом вагоне было несколько умерших*». Показания М. Г. Бердичевского о самом Гомельском пересыльном лагере: «*В результате голода и нечеловеческих условий существования, военнопленные совершенно теряли человеческий облик, наступало психическое отупление, безразличие ко всему, кроме пищи. Все подавляющий инстинкт голода превращал военнопленных в человеко-образных существ. Впечатление от этой продуманной немцами системы планомерного уничтожения русских было тяжелым...*» [10, л. 2–3].

Систематическое недоедание и некачественная пища стали обыденностью для узников концлагеря. Стандартный рацион военнопленного составляла литр баланды в день, а также кусок хлеба 150 – 200 грамм, изготовленного из шароек (отходы) гречки или иных суррогатов. Такая ситуация заставляла узников питаться всем, что попадалось под руку – трава, листья и многое другое. Зафиксированы случаи каннибализма. Из воспоминаний бывшего узника В. А. Крылова: «...*Кормили русских военнопленных исключительно плохо. В сутки один раз давали «суп» из шароек-высевок, абсолютно безо всякой калорийности, по одному литру...*» [10, л. 5].

Но не только некачественная пища являлась фактором большой смертности в ДУЛАГе-220, но и жуткие условия содержания. Как было отмечено выше, сам лагерь изначально не был готов содержанию такого большого количества людей. К концу 1941 г., а точнее на момент 11 декабря 1941 года в лагере содержалось уже 12857 человек. Антисанитария и непригодные для жизни бытовые условия увеличивали ежедневную смертность. Одежда военнопленных не менялась, в бани узники также не водились, а употребление грязной некипячоной воды только усиливало жуткое положение пленных красноармейцев. Такая ситуация в бараках приводила к распространению различных эпидемиологических болезней, таких как тиф, туберкулез и дизентерия. Смертность в лагере достигала 300–500 человек в сутки, а зимой 1941–1942 годов до 1 000–2 000 человек в день. Свидетель Лысенко М.Д. вспоминал: «...Я видел много раз когда выносили трупы пленных красноармейцев. Все трупы были замерзшие, в разных позах, а некоторые были даже в сидячем положении...» [11, с. 147–148].

Вместе с тем оккупант не забывал использовать доведенных до изнеможения узников концлагеря на работах. Труд делился на длительный и на однодневный. Советские военнопленные трудились на расчистке завалов, уборке улиц, восстановлении пролетов взорванных мостов, разгрузке вагонов, рытье окопов, нередко 10–15 узников впрягали в повозки и возили таким образом кирпич, дрова или иные грузы. Необходимо отметить, что работы велись не только на территории Гомеля, но также и в близлежащих районах: Ветковском, Добрушском, Уваровичском и др. Рабочий день составлял в среднем 15 часов под надзором немецких конвоиров, которые на постоянной основе проводили избиения военнопленных. Из показаний Галимской М. П.: «Неоднократно я видела такие случаи, когда пленных немецкие солдаты и полицейские гнали на работу, то зверски избивали палками и прикладами тех, кто отставал от строя. А тех, кто не мог идти в виду бессилья, пристреливали на месте» [10, л. 11].

Таким образом, Гомельский пересыльный лагерь ДУЛАГ-220 стал одним из важных звеньев в системе нацистских концлагерей на территории Беларуси в реализации политики геноцида советских граждан. Условия содержания в ДУЛАГ-220 были крайне тяжелыми, что приводило к массовым заболеваниям и высокой смертности среди заключенных. ДУЛАГ-220, равно как и сменивший его ДУЛАГ-121, стал одним из символов жестокости и страданий мирного населения в условиях оккупационного режима, установленного нацистами на территории Беларуси.

Список использованных источников и литературы

1. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на временно оккупированной территории СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : Сб. документов : В 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. А. В. Юрасов; отв. сост. Я. М. Златкис; сост. Е. В. Балушкина, К. М. Гринько, И. А. Зюзина, О. В. Лавинская, А. М. Лаврёнова, М. И. Мельтюхов, Ю. Г. Орлова, Е. В. Полторацкая, К. В. Сак. – М. : Фонд «Связь Эпох», 2020. – 688 с.
2. Нюрнбергский процесс : Сб. материалов в 8 т. Т. 5 / Науч. ред. Н. С. Лебедева. – М. : Юрид. лит., 1991. – 672 с.
3. Лагеря советских военнопленных в Беларуси: 1941–1944: документы и материалы / сост.: В. Д. Селеменев [и др.]; редкол.: А. К. Демянюк и [и др.]. – Мин. : Беларусь, 2022. – 327 с.: ил.
4. Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA) – RH 26-221/122. В. 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://invenio.bundesarchiv.de/invenio/main.xhtml>. – Дата доступа: 30.09.2025.
5. BA-MA – RH 26-221/108. В. 7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://invenio.bundesarchiv.de/invenio/main.xhtml>. – Дата доступа: 30.09.2025.
6. Ковтун, И. И. Охранные дивизии вермахта: уничтожение гражданского населения и борьба с партизанами // Журнал российских и восточноевропейских исследований : сб. статей. – М., 2014. – С. 91–108.
7. Цербер армейского тыла. Генерал Макс фон Шенкендорф и журнал боевых действий его штаба / Д. А. Жуков, И. И. Ковтун, С. В. Кулинок. – М. : Вече, 2022. – 480 с. – (Третий рейх. Суд истории).

8. ВА-МА – RH 26-221/118 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://invenio.bundesarchiv.de/invenio/main.xhtml>. – Дата доступа: 30.09.2025.
9. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 1440. Оп. 3. Д. 917. Л. 125–127.
10. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 7021. Оп. 85. Д. 257. Л. 2–11.
11. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Гомельская область. Сб. архивных докум. и материалов / сост. : А. Р. Дюков, В. Д. Селеменев (рук.) [и др.] ; редкол. : А. К. Демянюк [и др.]. – Mn. : НАРБ; M. : Фонд «Историч. память», 2021. – 576 с. : илл.

Т. А. Шкрабова

ОДЕЖДА ДЕТЕЙ В ГОРОДСКОЙ И СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ НА ГОМЕЛЬЩИНЕ В 1950-е – СЕРЕДИНЕ 1980-х ГОДОВ

Детство – это, как правило, счастливая пора в жизни каждого человека. С ним связаны теплые воспоминания, фотографии, дорогие сердцу вещи, без которых маленький человек не представлял себя тогда. Это время, когда дети учились дружить, общаться, понимать друг друга и мир вокруг. Время, когда закладывается поведение, характер и взгляды на жизнь. Но чтобы ребенок рос гармоничной личностью, должен быть баланс материального и духовного в период роста и воспитания детей. Костюм и относится к материальной стороне жизни, предоставляя комфорт и закладывая эстетические вкусы ребенка.

Интерес к миру детства и традиционной детской культуре белорусов в XIX – первой половине XX в. проявляли в большей степени фольклористы. Во второй половине XX – начале XXI в. интерес к детской культуре значительно возрос и у белорусских этнографов (Л. В. Ракова, Т. И. Кухаренок, И. С. Маховская, А. Д. Якубинская и др.). Однако отметим, что отдельный труд, посвященный материальной культуре детей Гомельщины, отсутствует. Это обстоятельство значительно повышает актуальность данной темы.

Источниками для написания статьи послужили опросы населения Гомельской области, которые автор проводила в 2010–2011 гг. В результате проведения полевых исследований получены следующие результаты.

В послевоенное десятилетие в городах Гомельщины наблюдались проблемы с приобретением одежды, это было связано, прежде всего, с восстановлением легкой промышленности и розничной торговли. Пенсионер 1941 г. р., из Гомеля вспоминает, что в первое послевоенное десятилетие редко кто мог позволить себе новую вещь. Их негде было приобрести, отсутствовали и средства для покупки одежды. По его мнению, никакой детской моды в 1945–1955 гг. не было. Родители радавались любой возможности приобретения новой вещи для ребенка. Сам пенсионер вспоминает, что мечтал о новом пальто или ботинках, которые бы не протекали [1].

Пенсионерка из Гомеля 1927 г. р. о 1950-х гг. указала следующую информацию, что одежду для детей часто покупали на стихийных рынках и заказывали у частных портных. Приобретали те вещи, которые были доступны по средствам. Сама женщина призналась, что ребенком ей очень нравились платья голубого и белого цветов. Эти платья казались ей очень красивыми, и она мечтала об их покупке. В ее юности молодежь старалась особо не выделяться в одежде. Пенсионерка также указала, что в своей юности она мечтала о покупке сапожек на каблуке и о капроновых чулках, но в продаже их было трудно найти [1].

В своих ответах респонденты отмечали, что в 1950-х гг. новая детская одежда приобреталась не часто. Как правило, ее донашивали за старшими детьми в семье. Потом вещь переделывалась, перекрашивалась, подгонялась и служила еще не одному поколению. Цвета преобладали темные, не яркие. Чаще всего черного, коричневого и серого оттенков. В подростковом возрасте особенно девочкам хотелось выделиться, даже в трудное время. Из положения выходили следующим образом: пришивали к старому платью воротнички, манжеты и т. д.